

К вопросу об исторической переоценке в Финляндии значения восточной политики Урхо Кекконена

В. Н. Барышников, О. Ю. Пленков

Для цитирования: *Барышников В. Н., Пленков О. Ю.* К вопросу об исторической переоценке в Финляндии значения восточной политики Урхо Кекконена // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. Вып. 4. С. 000–000. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.407>

Во внешней политике Финляндии начала XXI в. произошел коренной поворот в области развития российско-финляндских отношений. Страна отказалась от политики нейтралитета и стремительно вошла в военно-политический блок, направленный против России. При этом сами тенденции отхода от прежней финской политической линии формировались довольно продолжительное время. В Финляндии они проявились в попытках дискредитировать внешнеполитическую линию своего государства 1950–1980-х гг. Прежде всего это касалось негативной оценки деятельности президента страны У.К.Кекконена, направленной на стремление осуществлять политику добрососедства с СССР. Отрицательное отношение к «линии Кекконена» стало активно развиваться с 1990-х гг. Оно, в частности, выражалось в дискредитирующих восточную политику Финляндии определенных работах финских историков (Х.Рауткалли, Ю.Невакиви, Т.Вихавайнен). В них особо подчеркивалось «дистанционное управление» внешней политикой Финляндии из Москвы. Также в работе историка Х.Рауткалли энергично пропагандировалось недоказанное утверждения о сотрудничестве У.К.Кекконена со спецслужбами СССР. В результате «линия Кекконена», которая в действительности ранее пользовалась общенациональным доверием, начала активно разоблачаться и дискредитироваться. В Финляндии принялись переписывать новейшую историю, что, несомненно, стало сказываться на общественных настроениях этой страны. Параллельно в Финляндии целенаправленно создавались соответствующие традиции и негативный образ соседнего государства как постоянно агрессивного по отношению к Финляндии. Участие Финляндии в войнах против СССР рассматривалось как подвиг финского народа, который не только воевал против Советского Союза, но и будто бы победил. Таким образом в начале XXI в. были забыты слова У.К.Кекконена о том, что не в интересах Финляндии быть союзником какой-либо великой державы в качестве форпоста

Владимир Николаевич Барышников — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Университетская наб., 7–9; <https://orcid.org/0000-0002-7594-5063>, v.baryshnikov@spbu.ru

Vladimir N. Baryshnikov — Dr. Sci. (History), Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaia nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-7594-5063>, v.baryshnikov@spbu.ru

Олег Юрьевич Пленков — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Университетская наб., 7–9; <https://orcid.org/0000-0001-9256-8506>, o.plenkov@spbu.ru

Oleg Ju. Plenkov — Dr. Sci. (History), Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaia nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0001-9256-8506>, o.plenkov@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

у советской границы. В результате были созданы идеологические предпосылки к смене внешнеполитического курса страны.

Ключевые слова: история Финляндии, финская историография, У.К.Кекконен, линия Кекконена, советско-финляндские отношения.

On the Issue of Historical Reassessment in Finland of the Significance of Urho Kekkonen's Ostpolitik

V. N. Baryshnikov, O. Ju. Plenkov

For citation: Baryshnikov V.N., Plenkov O. Ju. On the Issue of Historical Reassessment in Finland of the Significance of Urho Kekkonen's Ostpolitik. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2024, vol. 69, issue 4, pp.000–000. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.407> (In Russian)

In Finnish foreign policy at the beginning of the 21st century, a radical turn occurred in the development of Russian-Finnish relations. The country abandoned its policy of neutrality and quickly entered a military-political bloc directed against Russia. At the same time, the very trends of departure from the previous political line in Finland have been forming for quite a long time. They manifested themselves in the desire to discredit the previous foreign policy line of the Finnish leadership, which pursued a policy of good neighborliness with the USSR. First of all, this concerned a negative assessment of the activities of the country's president, U. K. Kekkonen. A negative attitude towards the «Kekkonen Line» began to actively develop since the 1990s. These trends began to actively develop in certain works of Finnish historians (H. Rautkallio, J. Nevakivi, T. Vihavainen). At the same time, in Finland, a corresponding negative image of the neighboring state were purposefully created as constantly aggressive towards Finland. Finland's participation in the wars against the USSR was clearly seen as a «feat» of the Finnish people, who not only fought against the Soviet Union, but also «won». Thus, at the beginning of the 21st century, the words of U. K. Kekkonen were «forgotten» that «it is not in the interests of Finland to be an ally of any great power as an outpost near the Soviet border» and ideological prerequisites were created for a change in the foreign policy course of its countries.

Keywords: history of Finland, Finnish historiography, U. K. Kekkonen, «Kekkonen Line», Soviet-Finnish relations.

Во внешней политике Финляндии начале XXI в. произошел коренной поворот в области развития российско-финляндских отношений. От политики добрососедства, которую Финляндия до этого осуществляла, страна перешла к совершенно иной внешнеполитической линии. Вопрос о финской военной безопасности стал решаться для Хельсинки на основе вступления страны в структуры Североатлантического договора. В результате, по образному выражению известного финского историка профессора Ю. Суоми, Финляндия стала руководствоваться принципом: «Идите туда, куда укажут». Что, как он справедливо заметил, «нельзя считать Благословением Божьим»¹. В данном отношении достаточно справедливо звучали слова, произнесенные в начале 1990-х гг. другим известным финским историком, профессором Т. Полвинен. Он тогда отметил, что хотели этого финны или нет, но для Финляндии представлялось «значимым построение хороших и стабильных отношений с соседней сверхдержавой, действовавших до конца 1980-х гг. в рамках Ял-

¹ Суоми Ю. Из рода лососей. Урхо Кекконен. Политик и президент. М., 2011. С. 19.

тинской системы»². Однако осуществление данной политической линии, которую называли «линия Паасикиви-Кекконена», в Финляндии прекратилось.

Возникает вопрос, как могло случиться, что страна, прожившая со своим восточным соседом в мире и согласии добрую половину XX в., декларируя при этом нейтралитет, быстро развернулась и стремительно вошла в агрессивный военно-политический блок, направленный против России?

На самом деле, все происходило далеко не стремительно и далеко не быстро. Тенденции отхода от прежней политической линии формировались на протяжении не одного десятилетия. В связи с глубокими геополитическими и региональными изменениями, произошедшими в Европе к началу XXI в., у определенных экспертов в России, занимавшихся долгое время Финляндией, стали уже и ранее возникать сомнения: будут ли дальше «Россия и Финляндия стремиться к политическому, экономическому и культурному сотрудничеству или же они снова разойдутся»³, как это было в первой половине XX в.?

Безусловно, в Финляндии постепенно нарастали представления о том, что их страна не всегда может оставаться местом «встречи Востока и Запада»⁴. По мнению российского посла в Финляндии Ю. Дерябина (1992–1996 гг.), критическое отношение к России в финском обществе существовало уже в советское время. Но оно начало усиливаться в последующий период⁵. Дипломат прямо указал в своих мемуарах, что «при всей официальной риторике о “дружбе” нередко проявлялось неприязненное отношение»⁶. Как он подчеркнул, в Финляндии долгое время существовал лишь только «своего рода церемониал» в отношении России. Далее же он пояснил: «Это была, так сказать, виртуальная дружба». В целом первый посол Российской Федерации в Финляндии вынужден был признать, что у финнов «предрассудки и недоверие к новой России довольно сильны»⁷.

Таким образом, в Финляндии достаточно прочно существовали определенные антироссийские настроения. Причем в идеологическом плане, для тех, кто здесь не считал нужным в новых условиях сохранять традиции советско-финляндских отношений, важно было, естественно, дискредитировать как саму политику соседнего государства, так и прежнее финское руководство, которое долгое время осуществляло линию, направленную на добрососедство с СССР. Прежде всего, это, конечно, касалась восточной политики президента страны У.К. Кекконена (1956–1981 гг.).

Формирующиеся тенденции к дискредитации политики Кекконена стали просматриваться уже к началу XXI в. Тогда в Финляндии начали звучать идеи о том, что линия Кекконена, основанная на «укреплении национальной независимости и нейтралитета Финляндии — представляется чрезмерно соглашательской» по отношению к Советскому Союзу⁸.

² Polvinen T. Idänsuhteet ongelmana // Historiallinen Aikakauskirja. 1993. № 1. S. 78. — Здесь и далее перевод авторов статьи.

³ Fiodorov V. NKP: Suomen osastolla 1954–1989. Helsinki, 2001. S. 329.

⁴ Ibid.

⁵ См.: Дерябин Ю. Легко ли быть послом? Записки о жизни и карьере дипломата. М., 2010. С. 275–276.

⁶ Там же. С. 283.

⁷ Там же. С. 358, 359.

⁸ Хайкие М. Урхо Кекконен (1900–1986) // Сто замечательных финнов. Хельсинки, 2004. С. 248.

Эти обобщения, в частности, были ярко представлены в определенных работах финских историков. Пересмотр взглядов по данному вопросу именно в исторической науке был для Финляндии особенно важен. Считалось, что «в действительности в Финляндии историю рассматривали как форму национального осознания, превращенную в национальную ценность». Полагалось, что история является даже неким национальным «самоотчетом»⁹. В результате работы по истории для населения были крайне важными. Они, как считалось, были призванными формировать соответствующее общественное мнение. Причем это касалось прежде всего именно новейшей истории.

В данном плане наиболее показательным оказались работы доктора наук, доцента университета Тампере Х. Рауткаллио. Он весьма критически принялся пересматривать общественные взгляды именно на историческое наследие президента Кекконена. Причем мотивация на начало исследования была весьма далекой от решения сугубо научных задач. Она имела исключительно идеологическое обоснование. Исследователь утверждал, что к изучению советско-финляндских отношений и критическому отношению к политике Кекконена его подтолкнула мысль, что данный президент буквально «из могилы продолжает владеть умами многих финнов»¹⁰.

Иными словами, Х. Рауткаллио заранее имел соответствующую идеологическую установку и поэтому занялся поиском в минувшем сведений, которые дискредитировали прежде всего Кекконена и финляндско-советские отношения. Причем, что наиболее важно, финансирование этой далекой от научной работы деятельности взяла на себя Академия наук Финляндии. Как отметил сам историк, ему при ее «поддержке удалось осуществить долгосрочную программу фундаментальных исследований»¹¹. Действительно, задача Х. Рауткаллио заключалась в подготовке и изданию целого цикла соответствующих критических и масштабных по своему характеру работ.

Историк постарался взять за основу прежде всего документы госдепартамента США и министерств иностранных дел Великобритании¹². Но затем перед Х. Рауткаллио открылись уже весьма хорошие перспективы работы и с архивными документами в новой России. В период распада СССР он отправился в Москву, где смог весьма активно продолжать свою поисково-исследовательскую деятельность. В частности, Рауткаллио стал активно работать в некогда одном из наиболее секретных фондохранилищ Советского Союза — Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Как не без гордости затем он заметил, ранее «в этом архиве с документами могли работать лишь при наличии специального разрешения только ограниченное число членов КПСС»¹³. Причем Рауткаллио не просто получил возможность работать с документами, он установил хорошие отношения с директором этого архива. Как утверждал Рауткаллио, они тогда стали «не только близкими коллегами, но и друзьями»¹⁴. Также поддержку своей деятельности,

⁹ Kinnunen M. Tutkijan on osattava ulosikin arkistosta // Helsingin Sanomat. 1997. 16.11.

¹⁰ Rautkallio H. Agenda Suomi. Kekkonen — SDP — NKP. 1956–66. Porvoo; Helsinki; Juva, 1999. S. 8.

¹¹ Ibid. S. 9.

¹² Rautkallio H. Kekkonen ja Moskova. Suomi lännestä nähtynä 1956–1962. Helsinki, 1991. S. 458.

¹³ Rautkallio H. Agenda Suomi. S. 7.

¹⁴ Ibid. S. 9.

как пишет исследователь, он имел еще и от администрации МГИМО, а также от ряда российских историков-архивистов и переводчиков¹⁵. Все это создало для него в России весьма благоприятную обстановку.

В результате неожиданно открывшихся возможностей Х. Рауткаллио «показал себя очень продуктивным исследователем»¹⁶, проявив невероятную трудоспособность. Историк смог за 1990-е — начало 2000-х гг. подготовить до десятка весьма объемистых книг, затрагивающих период президентства Кекконена. Таким образом, в это время ему удалось в очень сжатые сроки поработать в российских архивах, написать свои сочинения, а затем не менее стремительно их издать. После этого его книги в Финляндии стали выходить чуть ли не каждый год¹⁷. Это свидетельствовало о достаточно системной работе, которая к тому же была четко направлена на дискредитацию политики прежнего финского президента. Довольно агрессивная риторика публикаций была очень хорошо заметна. Также было заметно и то, что в Финляндии «начинают переписывать новейшую историю»¹⁸.

В работах Рауткаллио явно наблюдалась ненависть не только к Кекконену, но и к Советскому Союзу. Как отмечали СМИ, отправной точкой его исследования «являлась идея того, что Советский Союз является империей зла»¹⁹. В данном случае очевидно, что подобная целевая направленность осуществлявшейся работы хорошо согласовывалась с собственной мотивацией этой деятельности. Она, вероятно, прививалась еще с детства, поскольку отец автора в годы войны проявлял заметную ненависть к соседнему государству, служил на оккупированной финскими войсками территории СССР комендантом одного из концентрационных лагерей. В итоге после поражения Финляндии и окончания войны, за совершенные военные преступления он был даже приговорен финским судом к тюремному заключению²⁰. Однако попытка отца Рауткаллио обжаловать это решение и обращение его тогда к министру юстиции и будущему президенту страны У.К. Кекконену с апелляционной просьбой ничего не дало. Кекконен ему отказал²¹. Это не могло не повлиять на переживания будущего исследователя, который, конечно, все эти события хорошо знал.

Тем не менее взятая Рауткаллио линия, направленная на дискредитацию советско-финляндских отношений, осуществлялась на вполне научнообразном уровне и явно должна была привести к переоценке исторического значения внешней политики Кекконена. К тому же, в финских органах массовой информации сразу же появились материалы, в которых весьма благожелательно стали оценивать начавшуюся работу по переписыванию истории. Так, например, популярный издававшийся массовыми тиражами еженедельный семейный и новостной журнал «Суомен Кувалехти», говоря о творчестве Рауткаллио, указывал, что исследование исто-

¹⁵ Ibid.

¹⁶ *Kallenautio J.* Kekkonen ja Suomi lännestä // *Historiallinen Aikakauskirja*. 1992. No. 1. S. 76.

¹⁷ См.: Hannu Rautkallio. URL: https://fi.wikipedia.org/wiki/Hannu_Rautkallio (дата обращения: 31.01.2024).

¹⁸ *Susi E.* Pääkonnana Urho Kekkonen, uhrina SDP // *Tiedonantaja*. 1999. 19.11.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Hannu Rautkallio. URL: https://fi.wikipedia.org/wiki/Hannu_Rautkallio; Paavo Rautkallio. URL: https://fi.wikipedia.org/wiki/Paavo_Rautkallio (дата обращения: 31.01.2024); *Bäckman J.* *Pronssisoturi. Viron patsaskiistan tausta ja sisältö*. Tallinn, 2008. S. 188.

²¹ См.: *Bäckman J.* *Pronssisoturi*. S. 188.

рика «по большей части кропотливое», подчеркивая, что это еще и очень точная работа²². Такого же характера оценки Рауткаллио добился и от ведущей финской газеты «Хельсингин Саномат». Там утверждалось, что работы Рауткаллио, «резко меняют однобокий образ Урхо Кекконена, сформированный политической литургией времен застоя»²³. Далее для историка были организованы еще и соответствующие эфиры на финском телевидении, где проходило обсуждение его книг²⁴.

Точка зрения исследователя стала весьма широко распространяться, а финские органы массовой информации явно рассматривали работы Рауткаллио как новаторские, поскольку считалось, что «исследователей-историков легко заклеить как проводников единственной истины, если они внимательно не присмотрятся к результатам своей работы»²⁵. Х. Рауткаллио как раз распространял совершенно иные, «нетрадиционные» представления о Кекконене, то есть вовсе не являлся «проводником единственной истины».

В итоге за весьма короткое время в Финляндии начали стремительно формироваться новые взгляды в отношении эпохи Кекконена. Главным же для Рауткаллио оставалось то, что президент Финляндии в его представлении отнюдь не выступал в качестве выразителя интересов своей страны, а наоборот, представлял в финском руководстве позицию Советского Союза и, что еще важнее, его секретные службы²⁶. Именно тезис о связи Кекконена с КГБ оказался наиболее скандальным и привлек наибольшее внимание финской общественности.

Однако в целом рассказы о работе в московских архивах и использовании Рауткаллио секретных советских документов оказалось на деле серьезным авторским преувеличением. Наиболее «сенсационные» факты он добывал отнюдь не в Москве. Он использовал сомнительные западные источники, которые, как заметил финский историк Ю. Суоми, «целиком сбили его с толку», и которым он просто «полностью доверился»²⁷. Используя косвенные документы, Рауткаллио подвел читателя к однозначному мнению, что в финском руководстве Урхо Кекконен оказался советским агентом. Для убедительности, в исследовании приводились сведения одного из советских перебежчиков на Запад, благодаря которым Рауткаллио утверждал, что у Кекконена был в КГБ даже свой личный псевдонимом «Тимо»²⁸, что являлась очевидной фантазией. В результате, однако, читатель делал заключение, что тогда в Финляндии через Кекконена «сотрудники КГБ дирижировали всеми делами общества, дергали политиков за ниточки как марионеток и раз за разом вводили в заблуждение как финскую политическую элиту и народ, так и западные державы»²⁹.

²² Цит.: *Suomi J. Tarvittaisiinko historiantutkimukseenkin tuotevastuulakia?* // *Historiallinen Aikakauskirja*. 1992. No. 2. S. 144.

²³ *Helsingin Sanomat*. 1992. 19.01; см. также: *Suomi J. Tarvittaisiinko historiantutkimukseenkin tuotevastuulakia?* S. 150.

²⁴ См.: *Historiallinen Aikakauskirja*. 1992. No. 4. S. 290.

²⁵ *Bäckman J. Pelkoa ja kiusantekoa — johdatus pehmeään sosialismiin* // *Entäs kun tulee se yhdestoista? Suomettumisen uusi historia*. Helsinki, 2001. S. 13.

²⁶ См.: *Rautkallio H. Laboratorio Suomi: Kekkonen ja KGB 1944–62*. Helsinki, 1996.

²⁷ *Suomi J. Tarvittaisiinko historiantutkimukseenkin tuotevastuulakia?* S. 150, 149.

²⁸ *Rautkallio H. Kekkonen ja Moskova*. S. 436.

²⁹ *Susi E. Pääkonnana Urho Kekkonen, uhrina SDP*.

Что же касается собственных интересов Кекконена, то, как это следовало из сочинений Рауткаллио, финский президент в результате своей «неблаговидной деятельности» добился от СССР возможности получить некие гарантии «защиты своей политической карьеры». Эти гарантии, как утверждалось, выражались в оказании ему непосредственной дипломатической поддержки, а также в предоставлении финансовой помощи. Кроме того, исследователь стал настойчиво проводить мысль, что Москва обещала Кекконену активно помогать на всех парламентских и президентских выборах и с этой целью «давать искаженную информацию об оппонентах Кекконена»³⁰.

В целом, все то, о чем писал Рауткаллио, можно было квалифицировать, как то, что Кекконен, «работая в интересах соседнего государства», в действительности совершил очевидное «государственное преступление»³¹. В результате деятельность финского президента, как это можно было понять из сочинений Рауткаллио, вела к отрицательным для Финляндии последствиям, приводя страну к изоляции от остального мира. Причем сами западные державы представлялись в работах Рауткаллио, «как пассивные и ничего не подозревающие наблюдатели», которые вообще не имели своих собственных интересов в Финляндии³².

Но самым главным здесь, конечно, оставались ссылки на сотрудничество Кекконена с КГБ. Как указывали отдельные финские историки, это выглядело как «одна большая фантастическая история» или даже «сказка», «целью которой являлось создание драматизма и ауры великой тайны событий»³³. Любые подобные сведения, конечно, требовали соответствующей фундаментальной доказательной базы, однако именно ее в исследованиях Рауткаллио не хватало³⁴. В результате все построения исследователя выглядели крайне нелепыми, а также, как указывал историк Ю. Суоми, «чрезмерно упрощенными и высосанными из пальца»³⁵. Кроме того, как уже было сказано, «открытия» Рауткаллио основывались не на советских документах, а на односторонних западных источниках³⁶.

Таким образом, наиболее «сенсационные» сведения, которые приводились в работах Рауткаллио, явно не имели реального подтверждения в архивах Москвы. В конечном счете, становилось понятно, что исследование, анонсированное как открытие, напоминало публицистику в жанре журналистского расследования. Здесь, как метко заметил профессор О. Юссила, проявлялось не стремление к достижению научной истины, а попытка просто добыть что-то сенсационное и этим ошеломить читателя³⁷.

В целом метод исследования Рауткаллио в финской академической среде был подвергнут вполне справедливой и жесткой критике. В Финляндии его стали ха-

³⁰ Ibid.

³¹ *Suomi J. Tarvittaisiinko historianitutkimukseenkin tuotevastuulakia? S. 144, 145.*

³² *Susi E. Pääkonnana Urho Kekkonen, uhrina SDP.*

³³ *Suomi J. Tarvittaisiinko historianitutkimukseenkin tuotevastuulakia? S. 145, 146, 148.*

³⁴ См.: Ibid. S. 144–150.

³⁵ Ibid. S. 145.

³⁶ *Rautkallio H. Kekkonen ja Moskova. S. 434–436.* См. также: *Kallenautio J. Kekkonen ja Suomi lännestä. S. 76; Suomi J. Tarvittaisiinko historianitutkimukseenkin tuotevastuulakia? S. 149;* Голицын Анатолий Михайлович. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Голицын,_Анатолий_Михайлович (дата обращения: 03.02.2024).

³⁷ См.: *Jussila O. Hutkivat tutkijat ja tutkivat journalistit // Historiallinen Aikakauskirja. 1991. No. 3. S. 285–286.*

рактировать как «противоречивого историка»³⁸, который своими исследованиями «заслужил репутацию небрежного и бессвязного» автора³⁹. Сам комплекс представленных документов финские историки оценивали весьма невысоко. Отмечалось, что «некоторые документы важны по своему смыслу, а другие представляют собой лишь пустые вещи, показывающие только то, что в секретариате КПСС занимались всякими “мелочами”»⁴⁰.

К этому добавлялось, что, решив добывать советские документы, исследователь просто не смог «оценить более широкие архивные объекты», что, как полагали, было вызвано плохим знанием русского языка, поскольку, как справедливо отмечалось, даже самый лучший переводчик не сможет компенсировать этот недостаток⁴¹. Также было замечено, что сами советские источники, кажется, остаются неверно трактованными автором, даже когда сам Рауткаллио конкретно на них ссылается; или, что он просто не понял того, что прочитал⁴². В итоге, «открытия», которые как будто совершил Х. Рауткаллио, на деле, по мнению крупнейшего финского исследователя профессора Т. Полвинена, лишь давали повод относиться с большой осторожностью к выводам, содержащимся в его исследованиях⁴³.

В такой ситуации в финской академической среде было даже выдвинуто пожелание относительно работ Рауткаллио, чтобы в Финляндии можно было законом закрепить ответственность за качество исторических исследований. При этом подчеркивалось, что автор явно занимался использованием «искажающих или намеренно искажающих» историческую действительность сведений, на которых строилась вся его работа⁴⁴.

В целом, профессиональным историкам было вполне очевидно, что плодотворная деятельность Рауткаллио оказалась не вполне добросовестной. В ведущем финском историческом журнале «Хисториалинен Айкакаускирья» сам его исторический метод научной работы был подвергнут критике. Там прямо писали, что историк «закрывает глаза на имеющиеся уже исследования», что он «стремится раскрывать историю на основе узких и односторонних материалов»⁴⁵. Такие же суждения о творчестве Рауткаллио содержались и в финских средствах массовой информации, писавших: «Чтобы его исследование воспринимать, нужно быть более осторожным и стремиться осуществлять еще и логическое, сравнительное источниковедение»⁴⁶.

Поражало, что этот финский историк, несмотря на весьма справедливую и жесткую критику своих коллег, с завидной регулярностью и методичностью все 1990-е гг. продолжал издавать одну за другой свои сомнительные произведения.

³⁸ См.: Anatoly Golitsyn. URL: https://fi.wikipedia.org/wiki/Anatoli_Golitsyn (дата обращения: 03.02.2024).

³⁹ *Polvinen T.* Idänsuhteet ongelmana. S. 79.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid.

⁴² *Suomi J.* Tarvittaisiinko historiantutkimukseenkin tuotevastuulakia? S. 147, 148.

⁴³ *Polvinen T.* Idänsuhteet ongelmana. S. 79.

⁴⁴ *Suomi J.* Tarvittaisiinko historiantutkimukseenkin tuotevastuulakia? S. 150, 149.

⁴⁵ *Suomi J.* Kiireisen miehen lähteet ja lähdekritiikki // *Historiallinen Aikakauskirja*. 1991. No. 1. S. 58–61.

⁴⁶ *Susi E.* Pääkonnana Urho Kekkonen, uhrina SDP.

Но критическим подходом к деятельности Кекконена на посту президента отличился не только Рауткаллио. Вслед за ним в московские архивы в 1990-х гг. последовал еще один известный финский историк, профессор Хельсинкского университета Ю. Невакиви. Как пишет сам исследователь, он тоже сумел наладить контакты с директором историко-архивного управления, который предоставил ему разрешение на исследование недавно открытого материала МИД СССР⁴⁷. Архивные поиски были направлены на то, чтобы через советские документы выяснить, как Кекконен пришел к власти.

Но Ю. Невакиви все же не решился повторять путь, который проделал его коллега. Более того, он пришел к противоположному оценочному выводу, отличающемуся от громких заявлений Рауткаллио. Невакиви отметил, что «открытые до сих пор советские архивы из-за ужесточения архивной цензуры настолько недостаточны, что их невозможно использовать, по крайней мере, за 1948–1968 гг.»⁴⁸. Таким образом, он на практической основе не подтвердил «открытия» Рауткаллио. Он лишь заметил, что «не намерен становиться оппонентом Рауткаллио и с радостью оставляет это будущим исследователям, которые, вполне вероятно, получат возможность работать на основе более обширного архивного материала»⁴⁹.

Подобная мягкость в суждениях Невакиви свидетельствовала о том, что процесс пересмотра мнения в отношении Кекконена в целом уже оказался запущен. И хотя критическое отношение к его политике явно сначала утверждается среди определенной части финских историков, в данном случае, очевидно, был прав профессор О. Маннинен, который со страниц журнала «Хисториалинен Айкакаускирья» заявил, что «исследователям новейшей истории, независимо от объективности их исследований, грозит опасность попасть под влияние “общественного мнения”»⁵⁰.

Действительно, дело было сделано. Семена сомнения в искренности политических намерений Кекконена в Финляндии были уже посеяны. Как тогда отмечалось, «расследование периода президентства Кекконена только начиналось»⁵¹. В Финляндии к восточной политике Кекконена стали уже относиться с большей подозрительностью. В это время явно и вполне решительно формировались представления о том, что У.К. Кекконен управлял государством отнюдь не в интересах Финляндии, а исключительно для решения своих собственных политических задач и личных целей.

Понимая, что версия Х. Рауткаллио о связях Кекконена с советскими спецслужбами выглядит крайне экстравагантной или просто нелепой, в Финляндии отказались от сенсационных заявлений в духе того, что Кекконен являлся агентом КГБ. Но при этом неизменно подчеркивалось, что политика президента была крайне опасна для страны, поскольку сам «мир с русскими, это мир с тоталитаризмом»⁵². Более того, продолжали складываться представления, что Кекконен имел в политике исключительно свой собственный интерес. Начало утверждаться общее мнение,

⁴⁷ *Nevakivi J. Miten Kekkonen pääsi valtaan ja Suomi suomettui. Helsinki, 1996. S. 9.*

⁴⁸ *Ibid. S. 25.*

⁴⁹ *Ibid.*

⁵⁰ *O. M. (Manninen O.) Pyhä Henrik ja Pyhä Urho // Historiallinen Aikakauskirja. 1992. No. 4. S. 290.*

⁵¹ *Polvinen T. Idänsuhteet ongelmana. S. 79.*

⁵² *Vihavainen T. Kansakunta räähmällään. Suomettumisen lyhyt historia. Helsinki, 1991. S. 294.*

что он «действовал таким образом, чтобы получить себе очевидную политическую выгоду»⁵³.

В целом, данные обобщения уже не требовали необходимости в доказательствах, опирающихся на документы КГБ. И в этом случае эстафету разоблачений надежно подхватил известный в России финский историк и аналитик, профессор Хельсинского университета Т. Вихавайнен. Он просто заметил, что «пока неизвестно, под каким давлением Кекконен проводил свою политику»⁵⁴, при этом Вихавайнен пытался понять, «не стала ли внешняя и внутренняя политика Финляндии объектом дистанционного управления?»⁵⁵ Причем, естественно, центр этого управления должен был находиться в Москве.

Профессор Ю. Невакиви, который фактически легко и просто разоблачил Рауткаллио, поддержал Вихавайнена, отметив, что он находится «на правильном пути»⁵⁶. Более того, Невакиви полностью разделил точку зрения Вихавайнена и заявил, что политику «Советского Союза следует без колебаний рассматривать как своеобразное искажение политической культуры Финляндии»⁵⁷.

Таким образом, в исторической среде Финляндии 1990-х гг. происходил очевидный концептуальный пересмотр политики У. К. Кекконена. Одновременно формировались представления, что финский президент осуществлял отнюдь не национально направленный внешнеполитический курс. Т. Вихавайнен, в частности, рассуждал о том, что, по его мнению, было в политике Кекконена особенно плохо. Он вполне резонно считал, что это использование независимым главой государства иностранной поддержки для осуществления своей собственной политической линии внутри Финляндии⁵⁸. Кекконен, по его мнению, как раз и подходил под эту формулу. По представлениям финского эксперта, само «продолжение линии Кекконена, подразумевает управление внутренней политикой с помощью внешнеполитического оружия»⁵⁹. Вихавайнен делал вывод, что нация, последовавшая за Кекконеном, могла оказаться «на коленях» перед Советским Союзом⁶⁰.

Трудно было представить, что подобная политика прежнего финского президента, какой она была отображена в работах Вихавайнена, нравилась жителям Финляндии. К тому же Т. Вихавайнен убеждал, что «в любом случае действия Кекконена способствовали развитию тенденции, которые были опасны для страны и сомнительны с моральной точки зрения». Поясняя эту мысль, он отметил, что Кекконен «высшей ценностью политической жизни сделал отношения с соседним государством». При этом он «действовал таким образом, что это приносило ему очевидную политическую выгоду»⁶¹. Более того, учитывая негативное отношение в Финляндии к Сталину, Вихавайнен не без издевки отметил, что линия Кекконена «опиравшаяся на свой гуманизм, была применением сталинского гуманизма»⁶², что

⁵³ Ibid. S. 292.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Ibid. S. 295.

⁵⁶ *Nevakivi J. Miten Kekkonen pääsi valtaan ja Suomi suomettui.* S. 14.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ *Vihavainen T. Salat tulevat julki // Kanava.* 2017. No. 5. S. 72–73.

⁵⁹ *Vihavainen T. Kansakunta rähmällään.* S. 297.

⁶⁰ Ibid. S. 303.

⁶¹ Ibid. S. 292.

⁶² Ibid. S. 299.

еще раз указывало на безусловную зависимость политики финского президента от советского руководства.

Само же обращение к историческому наследию Сталина здесь было не случайно. Финский историк сравнил Кекконена и с ним, и с Гитлером. В одной из своих работ он написал так: «Немецкий народ хотел обвинить в определенном этапе своего прошлого Гитлера, русские — Сталина. Подходящим козлом отпущения для нас является Кекконен». Далее Вихавайнен пояснил, что Кекконен «добился такой же популярности в Финляндии, как и его коллеги-диктаторы в своих странах»⁶³. Все эти рассуждения основывались на определенном знании исследователем фондов советских архивов. Более того, он вполне обоснованно подчеркивал, что в действительности «уже имеющиеся сейчас доступные в российских партийных архивах материалы выводят исследование политической истории Финляндии на новый уровень»⁶⁴. При этом он вынужден был признать, что пока в России «запросы, например, на публикацию материалов КГБ и ГРУ обрабатываться не будут»⁶⁵. Таким образом, опять намекалось на связи Кекконена с советскими спецслужбами.

В итоге, линия Кекконена, которая в действительности пользовалась тогда доверием общества, начала активно разоблачаться и дискредитироваться. В этом плане, очевидно, прав был российский дипломат Ю. Дерябин, который, присутствуя на похоронах Кекконена в августе 1986 г., отметил: «Запомнились серьезные лица финнов, и подумалось: вместе с Кекконеном закончилась целая эпоха и в жизни Финляндии, и в истории наших отношений»⁶⁶. Действительно, так и произошло. Причем этот путь реально имел характер двухстороннего, по своей сути, движения, где страны явно стали расходиться в разных направлениях.

Тем не менее, начавшийся тогда процесс, не был следствием того, что до этого Финляндия «находилась на коленях» перед Советским Союзом. На самом деле, эта страна в условиях холодной войны проводила вполне взвешенную самостоятельную политическую линию, которая вполне соответствовала ее национальным интересам.

Однако СССР, а затем и новая Россия стали сами достаточно быстро сдавать свои политические позиции в Финляндии. Это, прежде всего, выразилось в том, что начали пересматриваться подписанные ранее основные межгосударственные соглашения. 26 октября 1989 г. М. С. Горбачев, посетив Финляндию, объявил, что «СССР безоговорочно признает статус нейтральной Финляндии и намерен в полной мере следовать этому впредь»⁶⁷. Такое заявление в Хельсинки начали расцениваться, как признак отхода СССР от прежней политики в отношении с Финляндией⁶⁸, строившейся на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанного еще в 1948 г. и являвшегося основополагающим документом, на котором собственно и формировались все дальнейшие советско-финляндские отношения в 1950–1980-х гг.

⁶³ Ibid. S. 301.

⁶⁴ *Vihavainen T.* NKP:n arkistot Suomen poliittisen historian lähteinä // *Historiallinen Aikakauskirja*. 1992. No. 3. S. 252.

⁶⁵ Ibid. S. 250.

⁶⁶ *Дерябин Ю.*: 1) О Кекконене // Суоми Ю. Из рода лососей. Урхо Кекконен. Политик и президент. С. 14; 2) Легко ли быть послом? С. 227.

⁶⁷ Цит. по: *Барышников В. Н.* Россия и страны Северной Европы: в 2 ч. Ч. II. СПб., 2014. С. 57.

⁶⁸ См.: *Vihavainen T.* Kansakunta rähmällään. S. 286.

В итоге, уже через год финское руководство приступило к пересмотру положений договора, дабы исключить из его содержания положения, которые связывали бы внешнюю политику Финляндии с военными обязательствами перед СССР. Как считали некоторые эксперты, еще до распада СССР в марте 1991 г. на парламентских выборах в Финляндии стало ясно, что «даже увлечение русским языком и дружеская деятельность ушли на дно»⁶⁹. В 1992 г. уже был подписан новый договор об основах отношений между Российской Федерацией и Финляндской Республикой. Это привело к запуску и быстрому развитию коренных изменений в двухсторонних отношениях этих стран.

В данной ситуации некоторым финским экспертам стало понятно, что в Финляндии является востребованной возможная демонстрация «“подлинной западности”... некритической идеализации европейскости, а также унижение русских и насмешки над ними»⁷⁰. В 1992 г. премьер-министр Финляндии Э. Ахо открыто указал на историческое значение Североатлантического договора, как гаранта безопасности и высказался за возможность того, чтобы, «не задевая России», перейти под военное покровительство НАТО⁷¹. В итоге влияние России на Финляндию начало меняться и в Хельсинки стали подчеркивать, что «в будущем все будет завесить от конкретной ситуации»⁷².

Немаловажно то, что в новой России представители дипломатической среды сами достаточно быстро стали отказываться от прежних проверенных временем политических связей, включая даже личные контакты, превращая, как выразился один из ответственных сотрудников Министерства иностранных дел Российской Федерации, «в хлам все существующие взгляды на советско-финляндские отношения»⁷³. Также в российском МИДе стали звучать утверждения, что прежние отношения с Финляндией напоминали отношения этой страны с СССР, как «мышки в когтях у кошки»⁷⁴. Подобные высказывания тут же были подхвачены средствами массовой информации Финляндии.

Несомненный вред дальнейшему развитию двухсторонних межгосударственных отношений нанесло также и то, что от лица одного из подразделений МИДа Российской Федерации началось обнародование советских документов, дискредитировавших развитие советско-финляндского сотрудничества. В преданных гласности секретных документах указывались конкретные имена действовавших финских политических деятелей, которые имели соответствующие связи с советским руководством. Это, конечно, не могло не сыграть негативную роль в общем характере межгосударственных отношений, поскольку «бросалась тень на видных финских политиков»⁷⁵ (в документах фигурировали фамилии государственных деятелей первого ряда). Конкретно это касалось и председателя финского парламента И. Суомина (1991–1994 гг.), и будущего премьер-министра П. Липпола (1995–1999 гг.), и даже президента М. Койвисто (1982–1994 гг.). В результате российский посол в Хельсинки вынужден был заявить, что лично он считает «политически не-

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Ibid. S. 302.

⁷¹ Цит. по: Барышников В. Н. Россия и страны Северной Европы. С. 66.

⁷² Там же.

⁷³ Цит. по: Дерябин Ю. Легко ли быть послом? С. 297.

⁷⁴ Там же. С. 280.

⁷⁵ Там же. С. 294.

корректным, когда под предлогом “разоблачения КПСС”, под знаменем демократизации и гласности произвольно и выборочно, причем на частной основе публикуются секретные материалы, касающиеся советско-финляндских отношений (часто сомнительной достоверности)»⁷⁶.

Таким образом, в финском общественном сознании Финляндия эпохи Кекконена стала восприниматься как «шахматная фигура, марионетка, наложница или лаборатория»⁷⁷ советского руководства, что никак не могло повысить авторитет прежней политической линии страны.

Все это совпадало с общей критикой политики СССР, которую в Москве осуществляли в отношении Финляндии. Причем здесь существовало достаточно широкое поле для соответствующей деятельности. Объективно, Советский Союз ни с кем в мире в XX в. столько не воевал, как с Финляндией. И финские историки отнюдь не стремились избегать сложные вопросы, касающиеся этих отношений. Действительно, три войны с Советской Россией трудно было как-то игнорировать. Однако в Советском Союзе после установления дружественных отношений с этим государством и подписанием в 1948 г. Договора о дружбе постарались все плохое просто не вспоминать. В СССР вообще стремились не публиковать каких-либо научных работ, связанных с историей войн против Финляндии. Полагалось, что это может нанести ущерб сложившимся тогда достаточно дружественным межгосударственным связям⁷⁸.

В Финляндии подобной исследовательской щепетильности не наблюдалось. Тема войны была там одной из самых популярных в исторических исследованиях. Более того, Советский Союз неизменно представлялся как государство, несущее очевидную опасность Финляндии. На это постоянно обращалось внимание финской общественности. Иными словами, в Финляндии целенаправленно создавались соответствующие традиции и соответствующий исторически негативный образ соседнего государства.

Тем не менее, дальнейший ход исторического развития привел к тому, что в 1990-х — 2000-х гг. книжные рынки России буквально захлестнула волна низкопробной продукции отечественных публицистов. В ней без какого-то глубокого научного поиска стали пропагандировать уже переведенную и изданную в России финскую мемуарную и исследовательскую литературу⁷⁹. В итоге российское общество начало все это легко усваивать. Стал четко формироваться комплекс вины за свою прежнюю историю, за отношения своей страны с Финляндией в годы войны

⁷⁶ Там же. С. 295.

⁷⁷ *Bäckman J. Pelkoa ja kiusantekoa — johdatus pehmeään sosialismiin.* S. 11.

⁷⁸ См.: *Барышников Н. И.* Финляндия: из истории военного времени 1939–1944. СПб., 2010. С. 10.

⁷⁹ *Вихавайнен Т.* Сталин и финны. СПб., 2000; *Маннергейм К. Г.* Мемуары. М., 1999; *Мери В.* Маннергейм — маршал Финляндии. М., 1997; *Эрфурт В.* Финская война 1941–1944 гг. М., 2005; *Энгл Э., Паананен Л.* Советско-финская война. Прорыв линии Маннергейма 1939–1940. М., 2008; *Таннер В.* Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии. 1939–1940. М., 2003; *Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии. М., 2010; *Уйтто А.* «Финноед» Отто Вилле Куусинен. СПб., 2017; и др. — В научной литературе России высказывалось, однако, и критическое отношение к ряду работ финских авторов. См.: *Барышников В. Н.* Советские архивные документы о «плане Жданова» накануне начала «зимней войны» // *Вестник Санкт-Петербургского университета.* Серия 2. 2013. Вып. 3. С. 43–52. *Барышников В. Н., Васара В.-Т.* Отто Вилле Куусинен без маски // *Вестник СПбГУ. История.* 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 660–672.

и т. п. Как заметил по этому поводу историк Т. Вихавайнен, «ничего более антисоветского, чем тексты собственных изданий Советского Союза, даже официальных по своему характеру, придумать было невозможно»⁸⁰.

В целом общая дискредитация политики Советского Союза оказалась абсолютно доминирующей. Участие Финляндии в войнах против СССР уже четко рассматривается, исключительно как подвиг финского народа. Ярким примером этому оказалось утверждение премьер-министра Финляндии Санна Марин (2019–2023 гг.), которая в феврале 2023 г. позволила себе заявить, что все войны против СССР ее страна в действительности выиграла. Дословно она сказала, что «Финляндия имеет свою историю с Россией. Мы воевали с Россией. Мы победили»⁸¹.

Таким образом, теперь даже на высшем государственном уровне Финляндии итоги Второй мировой войны пересматриваются уже в совершенно нелепом и абсолютно не соответствующем истории направлении. В итоге, в начале XXI в. в Финляндии были полностью забыты слова У.К.Кекконена, которые он произнес в декабре 1943 г. Будущий финский президент тогда, выступая в Стокгольме в здании риксдага, заявил о том, что «не в интересах Финляндии быть союзником какой-либо великой державы в качестве форпоста у советской границы»⁸². Теперь в новых условиях начала XXI столетия в Финляндии не просто отошли от данного принципа, который доминировал в предшествующий период, но были заранее созданы идеологические и исторические предпосылки к комплексной смене прежнего внешнеполитического курса страны.

References

- Baryshnikov N.I. *Finlandia: Iz istorii voennogo vremeni 1939–1944*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, 409 p. (In Russian)
- Baryshnikov V.N. *Rossia i strany Severnoi Evropy*, part II. St. Petersburg, RKhGA Press, 2014, 103 p. (In Russian)
- Baryshnikov V.N. Sovetskie arkhivnye dokumenty o «plane Zhdanova» nakanune nachala «zimnei voiny». *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2 (Istoriia)*, 2013, issue 3, pp. 43–52. (In Russian)
- Baryshnikov V.N., Vasara V.-T. Otto Ville Kuusinen bez maski. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 3, pp. 660–672. (In Russian)
- Deriabin J. *Legko li byt' poslom? Zapiski o zhizni i kar'ere diplomata*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2010, 400 p. (In Russian)
- Engl E., Paananen L. *Sovetsko-finskaia voina. Proryv linii Mannergeima 1939–1940*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2008, 239 p. (In Russian)
- Erfurt W. *Finskaia voina 1941–1944 gg*. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2005, 325 p. (In Russian)
- Fedorov V. *NKP: Suomen osastolla 1954–1989*. Helsinki, OTAVA Publ., 2001, 334 p.
- Hakie M. Urkho Kekkonen (1900–1986). *Sto zamechatel'nykh finnov*. Helsinki, Obshchestvo finskoi literatury Publ., 2004, pp. 236–248. (In Russian)
- Jussila O. Hutkivat tutkijat ja tutkivat journalistit. *Historiallinen Aikakauskirja*, 1991, no. 3, pp. 285–286.

⁸⁰ Vihavainen T. Kansakunta räähmällään. S. 286.

⁸¹ Sanna Marin: Voitimme Venäjän sodassa. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PKQZFyBO-j7w> (дата обращения: 01.11.2023); Lindblom H. Sanna Marin: Suomi voitti Venäjän sodassa // Uusi Suomi. Bliigit. URL: <https://puheenvuoro.uusisuomi.fi/henrik-lindblom/sanna-marin-suomi-voitti-venajan-sodassa/> (дата обращения: 01.11.2023).

⁸² Кекконен У.К. Финляндия: путь к миру и добрососедству. Статьи, речи, письма 1943–1978 гг. М., 1979. С. 16.

- Jussila O., Hentilä S., Nevakivi J. *Politicheskaja istoriia Finliandii*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2010, 471 p. (In Russian)
- Kallenautio J. Kekkonen ja Suomi lännestä. *Historiallinen Aikakauskirja*, 1992, no. 1, pp. 76–77.
- Kekkonen U.K. *Finliandii: put' k miru i dobrososedstvu. Stat'i, rechi, pis'ma 1943–1978 gg*. Moscow, Progress Publ., 1979, 295 p. (In Russian)
- Meri V. *Mannerheim — marshal Finliandii*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1997, 208 p. (In Russian)
- Nevakivi J. *Miten Kekkonen pääsi valtaan ja Suomi suomettui*. Helsinki, OTAVA Publ., 1996, 255 p.
- O. M. (Manninen O.) Pyhä Henrik ja Pyhä Urho. *Historiallinen Aikakauskirja*, 1992, no. 4, pp. 289–290.
- Polvinen T. Idänsuhteet ongelmana. *Historiallinen Aikakauskirja*, 1993, no. 1, pp. 78–79.
- Rautkallio H. *Agenda Suomi. Kekkonen — SDP — NKP. 1956–66*. Porvoo, Helsinki, Juva, WSOY Publ., 1999, 445 p.
- Rautkallio H. *Kekkonen ja Moskovs. Suomi lännestä nähtynä 1956–1962*. Helsinki, Tammi Publ., 1991, 554 p.
- Rautkallio H. *Laboratorio Suomi: Kekkonen ja KGB 1944–62*. Helsinki, WSOY Publ., 1996, 387 p.
- Rautkallio H. *Novosibirskin lavastus: Noottikriisi 1961*. Helsinki, Tammi Publ., 1992, 387 p.
- Rautkallio H. *Paasikivi vai Kekkonen: Suomi lännestä nähtynä 1945–1956*. Helsinki, Tammi Publ., 1990, 412 p.
- Rentola K. *Stalin i sud'ba Finliandii*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2020, 240 p. (In Russian)
- Suomi J. *Iz roda lososei. Urkho Kekkonen. Politik i prezident*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2011, 384 p. (In Russian)
- Suomi J. Kiireisen miehen lähteet ja lähdekritiikki. *Historiallinen Aikakauskirja*, 1991, no. 1, p. 58–61.
- Suomi J. Tarvittaisiinko historiantutkimukseenkin tuotevastuulakia? *Historiallinen Aikakauskirja*, 1992, no. 2, pp. 144–150.
- Tanner V. *Zimniaia voina. Diplomaticheskoe protivostoianie Sovetskogo Soiuza i Finliandii. 1939–1940*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2003, 349 p. (In Russian)
- Uytto A. «*Finnoed*» *Otto Ville Kuusinen*. St. Petersburg, Gyol Publ., 2017, 387 p. (In Russian)
- Vihavainen T. *Kansakunta rähmällään. Suomettumisen lyhyt historia*. Helsinki, [S. n.], 1991, 294 p.
- Vihavainen T. NKP:n arkistot Suomen poliittisen historian lähteinä. *Historiallinen Aikakauskirja*, 1992, no. 3, pp. 248–252.
- Vihavainen T. Salat tulevat julki. *Kanava*, 2017, no. 5, pp. 72–73.
- Vihavainen T. *Stalin i finny*. St. Petersburg, Zhurnal «Neva» Publ., 2000, 288 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 20 февраля 2024 г.

Рекомендована к печати 15 июля 2024 г.

Received: February 20, 2024

Accepted: July 15, 2024